

(Окончание. Начало в № 24.)

Утром выпустили их из запертого сарая. Говорю им: « В вашем распоряжении всего один час, чтобы навести дома порядок, определить куда сподручнее ребяташек. Через час всем быть здесь - на работе. Должны отработать за потерянные по вашей вине дни. Кого не окажется на месте - найдем с милицией и отправим в район под конвоем в каталажку, на арестантские нары, на вшей и клопов. Будем судить за саботаж, за пособничество врагу по всей строгости законов военного времени». Вот какой ультиматум им предъявил И что же? Возымело действие. Через час все как миленькие прибежали обратно и работали до самой ночи в поле на совесть, даже с песнями, оправдали вчерашний прогул. Как каторжные вкалывали, не разгибая спин. Я уж не вмешивался, хоть в душе и жалко было их. Но чуть поблажку дай - вконец же рапугаются, тут строго надо, без антимоний. И убрали они все огромное поле - в снопы повязали, в суслоны поставили. Под снег ни колоска не легло в ту осень, от райкома мне благодарность. Вот как мы трудились в войну. А если бы меня тогда не было в колхозе, не хвалясь скажу, наверняка бы загубили весь хлеб, под снег бы ушел, это уж без сомнений, поверь мне.

- Что же это он говорит? Ну и гад же! - не вытерпел Петр. - Ну, я ему сейчас выдам, скажу пару ласковых слов, прямо в лицо врежу - все, что о нем думаю...

И не в силах более сдерживаться, он рванулся к двери.

- Сиди, не возникай, остынь малость, - пытался остановить его Федос, вставая со скамейки; он тоже слушал рассказ Новогороцкого, внимая с брезгливой гримасой на лице. - Не лезь лучше, Петро, только себе навредишь. Сейчас ихнее время...

Но Петр, так и не сняв с плеча хомут, нетерпеливо отстранил товарища и высоко прыжком на кошку, надвинулся на секретаря райкома, выдохнул с ненавистью:

- Ты... герой! Жаль, меня в ту пору там не было!

- А это еще кто такой? - грузно повернулся к председателю Новогороцкий; лицо его выражало недоумение, будто бы он только что впервые увидел Петра.

- Ах ты сволочуга! - ругался Громский. - Мастак лишь с бабами воевать... На фронт бы тебя, под пули и мины, в бой пустить - сразу бы в штаны наклал!

Кухаренок схватил его за плечо, стал легонько отпихивать от Новогороцкого.

- Петро, ты в своем уме? Не дури! Ты с кем разговариваешь... не знаешь, что ли?

- Я-то знаю. И он отлично знает, кто я такой. Чего притворяешься, рыло? Чего глазки удивленные строишь? Или что... в самом деле не признаешь, слаб стал головой? - со смехом выдал Петр, кивнул Кухаренку. - Этот вот тип грозился партбилет забрать у меня после войны... из-за жены, оттого, что она немка, якобы вражеский элемент, как он тогда выразился. А он... слышали же! - какими подвигами сейчас хвастался. Да за это по мордам следовало бы надавать. Не нашлось добрых мужиков заступиться за наших баб. Вон какого героя из себя корчит... защитника родины. Он тут как фашист обращался с нашими бабами, вон как воевал, по-всякому измывался над ними. Нашел чем хвалиться, сучья морда. Другой бы со стыда сгорел за подобные подвиги, а он... это же форменное издевательство над людьми. Ни стыда ни совести. А еще партиец!..

Новогороцкий шагнул к Петру; говорил тяжело, властно, словно с трибуны:

- Да, я партиец! Мне стыдиться нечего. Я честно живу, у всего народа на виду... в тюрьму не попадал, берегу партийную честь, твердо исполняю свой долг, то, что мне доверила мне партия. Я горжусь тем, что я партиец.

- Какой ты к чертям партиец? - плевался разгоряченно Петр. - Кого ты хотел из партии выгнать? Меня?.. Кого в коммунисты в бою под пулями принимали? Коммунистом я и сейчас остаюсь несмотря ни на что. И умру коммунистом, пусть и без партбилета. А ты липовый партиец. Не партиец, а гад ползучий... вот ты кто! - ощерился он.

- Ну, ты ответишь сполна за эти слова... Люди слышали, есть свидетели - по всем статьям можно упечь за хулиганство. Теперь не отвертись.

Новогороцкий сунул руку в карман брюк, как будто что-то нащупывал, хотел вынуть. Петр проследил за ним взглядом, догадался.

- Что там у тебя - наган? Ну давай доставай, не трус. Или мандражка берет? Стреляй, раз фашисты не сумели меня до конца пристрелить. Эх ты, вояка...

- Так просто тебе этот номер не пройдет, можешь быть уверен, - с твердостью заявил Новогороцкий; внешне он выглядел спокойным, лишь грозно хмурился. - И знай, я никогда не боялся и не побоюсь никаких угроз и трудностей, уж не спасую в нужную

минуту. И под вражеские пули первым пойду, если мне партия прикажет.

- То-то и видать... герой кверху дырой! - оскорбительно засмеялся Петр, - он все так и стоял с хомутом на плече возле привязанного к кошке Воронка, который всхрапывал, с недоумением косился на ссорившихся людей. - То-то, ты просидел всю войну в тылу... тыловая сволочь, крыса!

- Петро, замолчи! Не смей! - насутился Кухаренок, пытаясь оттеснить Петра подальше от секретаря, но Громский не отступал, снова лез к Новогороцкому, продолжая обвинять его.

- Не надо, не мешай ему, пусть выскажется до конца, облегчит душу, больше ему не придется геройствовать, - движением руки

Горбунов был настроен миролюбиво.

- Не бузи, Петро. Послушай, что скажу. Я из конторы сейчас, там такое творится... дело керосином пахнет. Новогороцкий вызывает из района милицию. Потому Семенчик тишком и послал меня. Велел предупредить, чтобы ты не мешкал, немедленно уезжай из села. А то худо будет... опять Марусю под монастырь подведешь.

- А тебе какое дело до моей Маруси? Чего вклиниваешься меж нами? - озлился Петр. - Тоже нашелся мне советчик.

- Я как лучше.

- Я сам знаю, как лучше.

- Ну, смотри сам, мое дело сторона. Передал совет председателя, а теперь как хочешь. Хозяин - барин, дело твое. Это Семен-

мо-таки психует, взбешен. - Повернулся к Горбунову. - Иди к нему, Федор Панкратович, поублажай начальство, отведи глаза, позаговаривай зубы.

- Ну... бывайте - чуть замешкавшись, Горбунов кивнул всем на прощание и не спеша двинулся со двора в сторону калитки.

Петр показал глазами ему вслед.

- Не продаст? А то еще обвинят вас: припишут содействие в побеге. Будут тогда всякие неприятности на работе.

- Их и без того хоть отбавляй, - отмахнулся Кухаренок, однако все-таки глянул раздумчиво на удалявшегося от них Федора.

- Все на мази, Петро, езжай, - подошел к кошке Рыженков.

Председатель склонил к нему голову.

- Можно?... Нам тут с ним надобно с глазу на глаз перемолвиться.

- Ну валайте, мне-то что, - попятился Федос.

Громский, взвинченный, обозленный на себя и на всех, выжидательно топтался около кошке, с трудом удерживая за вожжи рвущегося прочь рыскака.

- Эх, Тимофеевич, садовая ты голова, - укорил его Кухаренок. - Что же ты наделал, черт этакий? Этим же ты и себя под удар поставил, и меня, и всю семью свою.

- А пусть он знает всю правду, - вдруг ощерился Петр. - Что простой люд о нем думает.

- А нужна ему та правда? Да плевать он хотел на эту твою правду с верхней полки - вместе с тобой в придану и со всем простым людом. Кому ты что доказал? Неужели ты такой наивный? Он же тебя не за народ считает, а за каторжника закоренелого. За пьянчужку-хулигана. Вот за кого он тебя выдает. Вот какое общественное мнение вокруг создает. А ты правду захотел. Пока ее сыщешь в наше время, все здоровье потеряешь. Забыл, что ли, о чем я недавно тебе рассказывал? Как я за правдой в Москву ездил. Вот она правда, - поднес он кулак к лицу Громского. Петр невольно отшатнулся.

- Ты чего это, Семенчик?

- А то... сам знаешь чего. Немедля уезжай, чтоб духа твоего не было в деревне. Пусть потом вон Рыженков или твоя жинка пригонят назад Воронка. А я уж как-нибудь отберущусь от начальства. А то не миновать тебе тюрьмы. Я немного раскусил этого Новогороцкого.

- А, Семенчик, - упрекал председателя Петр. - Вижу - ты с ним заодно спелся. А я тебя старшим фронтным братом считал. Надвоялся на тебя. А ты помочь мне не хочешь.

- Как тебе помочь, если ты сам себе не хочешь помогать? Дурья ты голова! Да послушай... пойми ты меня. Ну что я могу? Я человек партийный, подневольный, ты знаешь, через какие пертурбации, мытарства я прошел, только что ведь снова в партии восстановили. Ослушаться первого не могу. Жизнь тебя, Тимофеич, и впрямь мало чему научила, опять можешь в тюрьму угодить.

- Что же мне стреляться прикажешь, что ли?

- Нудурной, ну дурной! Давай дуй отсюда живее, пока цел, пожалей детишек малых. Потом, как обоснуешься где, потихоньку дай жене весточку - забережь к себе всю семью. Я все тут сделаю, что в моих силах... отпущу с миром, не стану чинить препятствий к отъезду.

- С четырьмя-то детьми... вернее, пятью? - задумался Громский. Да куда же от земли-то ехать, как прокормить в городе такую ораву?

- Жизнь покажет, не даст трудяге пропасть, - приободрил его Кухаренок. - И прости, что ничем больше помочь тебе пока не могу: я повязан по рукам и ногам.

- Все вы продажные суки, - прохрипел Петр; он чувствовал себя беспомощным, загнанным в угол, припертым так, что, как ему казалось, нигде уже не вырваться, не пробиться; на войне он знал как действовать, но там он отвечал лишь за себя одного, лишь свою жизнь подвергал опасности, готов был отдать за правое дело. А сейчас ему приходилось принимать решение за всю семью, из-за собственной глупости и несдержанности представлять ее опять без кормильца в деревне на произвол судьбы, которая неизвестно каким образом повернет в дальнейшем.

- Не продажные мы, а подневольные, - с горечью поправил его председатель. - Что прикажут свыше - для нас, рядовых, закон, иначе головы не сносить. Ты же знаешь.

Петр поморщился.

- И как только мы с такими подневольными войну против фашистов выиграли? Просто уму непостижимо. Не желаю я больше быть подневольным. А ты, Семенчик? Сердце-то... что сердце твое тебе говорит, вещает, а?

Почему против сердца, против совести идешь? Спроси сердце - оно подскажет, что делать, на чью сторону становиться, чтобы все по уму было, по справедливости. Нельзя ведь против совести своей идти. Грешно.

Александр Ероховец

Спроси сердце свое

(главы из неопубликованного романа)

остановил тот председателя. - Тюрьма его, видимо, ничему не научила... плачет по нему, опять туда захотелось. Ну что ж, поможем ему основательно сесть, быстренько определим на полную катушку. Давай, Кухаренок, звони начальнику милиции, пусть высылают опер-группу - забрать хулигана. Ишь, какие жиганы у вас тут в деревне развелись, совсем распустились. Вон молодчик... залил глаза водкой, пьяный в рабочее время, мешает людям работать. Мало, видимо, учили его там, вижу, необходимо еще как следует поучить... изолировать от честных советских труженников, чтобы не мутил воду. Пошли в контору! - распорядился Новогороцкий, властным жестом приглашая за собой председателя и молчаливо топтавшегося на месте колхозного комсорга; решительно направился к распахнутым настежь воротам.

Спутники понуро поплелись вслед за ним. Уже скрываясь за воротами, Кухаренок обернулся и погрозил Петру кулаком.

Еще некоторое время после того, как все скрылись за воротами, Петр стоял с поникшей головой возле привязанного к кошке Воронка, не зная, что предпринять сейчас. Потом, словно опомнившись, резким движением скинул с плеча хомут в кошке, похлопал жеребца по морде, порывисто приласкал.

- Ну вот и все, Воронка... капец мне! Недолго же мы с тобой погуляли на воле, на зеленом доле...

Он уже сожалел, что так несдержанно повел себя с Новогороцким, дал ему в руки козыри для сведения счетов. Теперь он убедился, что тот не забыл его прежнее неповиновение, а сегодняшней поступок, конечно же, вовек не простит, дело может кончиться плачевно для Петра.

Подошел Федос Рыженков, сгорбленный, болезненный, укоризненно произнес:

- Слышал, слышал, как ты понес его по всем кочкам... Поди-ка, впервые ему такое прямо в глаза говорят. Но все без толку, этим его не проймешь, он же толстокожий, непробиваемый. Лишь себе хуже наделал. Теперь он не оставит тебя в покое, наверняка подключит милицию. - Голос у Федоса тусклый, как будто равнодушный, но Громский уловил в нем неподдельное сочувствие к себе. - Заварил ты, Петро, кашу - как и расхлебывать?

- И сам не знаю, - с горечью признался Петр, не стал бодриться, махнул безнадежно рукой.

- А ведь он, падлюга, не успокоится, пока тебя в тюрьму не упрячет. Сматываться тебе надобно, Петро.

- Куда?

- Куда-нибудь в надежное местечко... там переждать, перекантоваться, пока тут не утрясется.

- А тут без меня семья будет трястись, измываться?..

В это время через калитку в заборе пролез Федор Горбунов, подошел заляхавшийся; Петр с подозрением глянул на него.

- А тебе что тут надобно, зачем приперся? - встретил он недружелюбно управляющего.

- Небось, присматривать за мной прислали, стеречь, а? Чтобы я куда не сбегал, не улинул?

ныч просил побыстрее убираться тебе отсюда, не медлить.

- Ни в чьих советах я не нуждаюсь, - заупрямился Петр; не в состоянии он был пересилить себя - принять помощь от своего давнишнего соперника-недоброжелателя; вытащил из пачки папиросу, закурил. - Никуда я не поеду.

- Дело хозяйское, - пожал плечами Горбунов. - Только пожалел бы все-таки Марусю и детишек, и так досыта нахлебались всякой мурсы одни без тебя. Сколько же ты будешь их мучить, изводишь разными фокусами?

Петр криво усмехнулся.

- Смотри-ка, заступник выискался. Какой сердобольный. Что-то непохоже на тебя. Ну какое твоё собачье дело до моих детей?

- А то не знаешь. У нее ведь и мой ребенок, не все дети твои. Так что в случае беды мне придется заботиться, хотя бы о моей Тамарке... как-никак обуза на шею, если опять в тюрьму ты сядешь...

- Жалел волк кобылу...

Горбунов, ничего не ответив, принялся молчком запрыгать Воронка в кошке; Федос помог ему затянуть супонь на хомуте; Громский продолжал курить, оставаясь безучастным. Он был несколько удивлен странным поведением Горбунова; было непонятно, с какой душой тот старается для него в этот переменчивый злополучный час.

- Скажи, Федор, откровенно, - наконец он выдал срывающимся голосом, спросил о том, что давно его мучило, не давало покоя, - скажи, это ты донос послал тогда в райком... в сорок девятом... на Марусю, что она немка, и фашистское отродье? Честно, а?

Горбунов тяжело повернулся к нему.

- Да ты что, рехнулся? С чего бы это ради? - Вот и я хотел бы знать.

- Ну ты даешь... И как только в голову могло прийти такое? Этим ведь не шутят. Ну по-думай, что за корысть мне была доносить на Марусю?

- Ну хотя бы в отместку. За то, что не стала с тобой жить. Ну, что бы мне насолить.

- Была нужда. Я и без райкома мог бы тебе насолить. Прижучили бы на пару с братаном, где-нибудь в темном уголке... тишком-смешком - и скис бы, дух из тебя вон... Просто связываться не хотелось. Отрезанный ломоть к хлебу не пристаешь. Живите спокойно, раз уж столько детишек совместно нажили. И выбрось из головы всю эту дурь - чист я перед тобой в этом, Петр. Так что не грехи понапрасну, не придумывай лишнее. Все это пусто, навет. Против Марии я бы никогда не смог подлых гадостей совершить, какой бы я ни был живодер. Не такой я человек. Что с возу упало, то пропало, так ведь? Чего же теперь волосы на себе рвать? Чего фунить исподтишка, как мелочь пузатая? Вот так-то, Петро. Семенчик попросил помочь тебе, вот я и помогаю. И на этом все, прости-прощай...

Громский собирался уже выезжать со двора, когда из конторы подоспел к нему чрезмерно торопливый председатель. С виду он был невозмутим, но в голосе его сквозило нетерпение.

- Ты еще здесь? - напустился он на Петра.

- Давай побыстрее сматывайся отсюда - скоро милиция прибедет. Новогороцкий пря-